

Тан Шэнь нахмурился, глядя на затянутое густыми тучами небо над городом Шэнцзин. Перемены в чиновничьей среде никогда не касались простых людей.

Приближался Новый год, и Тётушка Яо вместе с Тан Хуан накупили множество праздничных товаров и расклеили на дверях дома парные надписи. Шестнадцатого числа двенадцатого месяца в Шэнцзин вернулся Яо Сань. Едва переступив порог, он сообщил Тан Шэню радостную весть:

— Молодой хозяин, то, что вы искали, и впрямь нашлось в Государстве Ляо!

Тан Шэнь изумленно воскликнул:

— Неужели действительно нашли?

— Стал бы я вас обманывать! — ответил Яо Сань. — Вы ведь говорили, что на севере этого добра полно и не обязательно ехать в Государство Ляо — мол, неподалеку от нашей сунской Цзинчжоу тоже должно быть. Но я искал больше года и так ничего не нашел: либо вообще ничего, либо так мало, что толку никакого. Только вот не пойму я, зачем оно вам. Поспрашивал местных — говорят, обычное топливо, используют при выплавке железа и прочем. Но неужели дляковки нужно так много, как вы рассказывали?

— Как оно называется? — спросил Тан Шэнь.

Яо Сань давно привык, что Тан Шэнь вычитает в древних книгах описание какой-нибудь вещи, не зная ее названия, и отправляет его на поиски. Он ответил:

— Местные зовут его графитом. Он абсолютно черный, твердый на ощупь... Как по мне, особой пользы в нем нет.

Тан Шэнь тяжело вздохнул:

— Так, значит, графит... Графит... — Он улыбнулся: — Забавно, что у него такое название. Какая от него польза, не знаешь ты, да и я, признаться, пока не ведаю. Быть может, за всю мою жизнь он так и останется лишь графитом для выплавки железа, а быть может, станет вещью не менее ценной, чем золото, и пленит твой разум.

— Неужели настолько удивительная вещь? — изумился Яо Сань.

— Я вдруг вспомнил, кем больше всего хотел стать, когда только попал в чиновничью среду, — произнес Тан Шэнь.

— И кем же, молодой хозяин? Высоким сановником первого ранга, как Ван Цюань?

Взгляд Тан Шэня постепенно успокоился. Беспомощно улыбнувшись, он сказал:

— Как Ван Цзыфэн? Левым пуге Приказа министерств? Или как Правый канцлер Ван Цюань — Левым или Правым канцлером, удерживающим всю власть в стране? О чинах первого ранга я, по правде сказать, никогда и не помышлял. Кто бы мог подумать, что в тот день, когда мое имя появилось в золотых списках и я на статном коне выезжал из Врат Сюанью, мой взор упал на Господина Юаня — Юань Му.

— А кто такой Господин Юань? — спросил Яо Сань.

— Начальник Приказа общественных работ, Господин Юань — Юань Му! — серьезно ответил

Тан Шэнь.

— Неужели вы больше всего хотели стать начальником Приказа общественных работ? — опешил Яо Сань.

— Это было лишь в прошлом. Переступив порог императорского двора, ты больше не распоряжаешься своей судьбой и будущим. Дела мирские подвластны не людям... Небесам? Нет, государю!

Пока Тан Шэнь предавался воспоминаниям и раздумьям, через западные ворота в столицу въехали пять экипажей.

Пятый принц Чжао Цзи вернулся первым.

Двадцать четвертого числа двенадцатого месяца, преодолев огромный путь из управы Гусу, в Шэнцзин прибыл Второй принц Чжао Шан.

В тот же день Тан Шэнь сказался больным и перестал принимать гостей.

Все трое принцев, едва вернувшись в Шэнцзин, испытывали тревогу и опасения, не смея делать опрометчивых шагов. Однако император, полностью погруженный в молитвы и почитание будд, лишь мельком принял их, спросил для порядка: «Хорошо ли вам елось и тепло ли одевалось в эти полгода?», после чего потерял к ним всякий интерес.

Четвертый принц Чжао Цзин сперва нанес визит градоначальнику столицы Лю Цюаньдэ: они много лет дружили, так что в их встрече не было ничего предосудительного. Чжао Цзин использовал это как пробный камень, дабы проверить реакцию государя. Чжао Фу остался абсолютно равнодушен, и принц, успокоившись, постепенно начал посещать других сановников. Глядя на него, остальные два принца тоже сбросили стеснение и дали себе волю.

Двадцать девятого числа двенадцатого месяца, накануне Кануна Нового года, император устроил пир в павильоне Яньчунь, чтобы разделить радость с подданными.

В сам Канун Нового года в императорском дворце устраивался семейный пир, где собирались исключительно члены августейшей фамилии и родственники. Поэтому в ночь накануне император всегда давал прием, дабы отпраздновать вместе с сотней чиновников.

Пропустить столь пышное торжество Тан Шэнь уже не мог.

С наступлением ночи сотни экипажей выстроились длинным драконом у дворцовых ворот. Сановники в парадных одеяниях сходили с повозок и дальше шли пешком. Любой чиновник четвертого ранга и выше, независимо от занимаемой должности, имел право присутствовать на пиру в павильоне Яньчунь. Проходя по дворцовым аллеям, Тан Шэнь встречал редких знакомых, но большинство лиц были ему чужды.

Дворцовые служанки зажигали фонари, и в их ярком свете три принца в окружении свиты один за другим входили в павильон Яньчунь.

Ночь сгущалась. В тени раскачивались цветы, лунный свет стелился туманной дымкой.

Павильон Яньчунь располагался в западной части Императорского сада, утопая в зелени деревьев. Окна из цветного хрусталя были изготовлены на заказ в Павильоне Чжэньбао. Внутри залитый огнями зал отбрасывал яркие блики на прозрачные стекла. Придворные в

парадных платьях занимали свои места. Слева от императора восседали Второй принц Чжао Шан и Четвертый принц Чжао Цзин, а Пятый принц Чжао Цзи — справа.

Чиновники рассаживались строго согласно рангам.

Тан Шэнь расположился ни близко, ни далеко: слева от него сидел глава Академии Гоцзыцзянь, а справа — академик из Академии Ханьлинь.

Пир в павильоне Яньчунь не считался семейным, однако был к нему весьма близок.

Заняв свое место, император переговорил с принцами, а затем обратился к нескольким канцлерам. Беседовали они тихо, и сидевшие отдаленно не могли разобрать ни слова. В этом и заключалось особое расположение государя.

Тан Шэнь, «едва оправившийся от тяжелой болезни», не мог пить хмельного. Попивая чай, он исподтишка поглядывал в сторону государя.

Лицо императора выглядело слегка бледным, вина он тоже не пил, а время от времени пригубливал из пиалы коричневое снадобье. Он то обменивался парами фраз с Левым канцлером Цзи Вэнцзи, то обращался к Правому канцлеру Ван Цюаню. Три принца изо всех сил пытались вклиниться в их разговор, но безуспешно — от досады их лица багровели, но поделать они ничего не могли.

Однако за спиной императора стоял человек — и это был вовсе не великий евнух Цзи Фу, а круглолицый монах в простом сером одеянии.

Он тихо перебирал четки в руках, а на его лице застыла улыбка, подобная теплomu весеннему ветерку. Внезапно монах поднял голову и встретился взглядом с Тан Шэнем. Сердце Тан Шэня сжалось, и он тут же отвел взор.

Шаньтин слегка улыбнулся. Спустя мгновение он склонился к уху Чжао Фу и что-то шепнул, отчего тот тоже улыбнулся.

В середине пира один из принцев наконец не выдержал.

Четвертый принц Чжао Цзин поднялся со своего места:

— Ваше императорское величество! Находясь в Цзичжоу, ваш покорный слуга добыл небесный камень. Его форма настолько уникальна, что, узрев его, я исполнился глубокой радости и желаю преподнести его в дар августейшему родителю.

Чжао Фу изобразил удивление:

— Небесный камень? Внесите, дайте взглянуть.

Люди Чжао Цзина тут же втащили в зал валун высотой в полчеловека. Едва присутствующие рассмотрели его, как по залу прокатилась волна изумленных возгласов.

— Этот метеорит формой напоминает жезл жуи! Поистине благое знамение процветания и удачи!

Чжао Фу подарок тоже пришелся по душе, и он улыбнулся:

— Ты проявил заботу.

Чжао Цзин был вне себя от радости.

Четвертый принц блеснул перед государем, так разве могли остальные двое остаться в стороне?

Чжао Шан и Чжао Цзи один за другим начали подносить свои дары, стремясь снискать благоволение императора. Увы, драгоценности найти легко, а вот подношение с глубоким символическим смыслом — задача не из простых. Их подарки отличались редкостью и пышностью, но в плане доброго знамения существенно уступали метеориту в форме жезла жуи.

В час Собаки пир завершился, и придворные покинули дворец.

Уходя из павильона Яньчунь, Тан Шэнь оглянулся: Монах Шаньтин бесшумно следовал за Чжао Фу.

На следующий день наступил Канун Нового года.

Чиновники уже давно ушли на праздничные каникулы. Тан Шэнь помогал Тётушке Яо и Фэнби украшать дом, а затем вся семья с радостными улыбками принялась лепить цзяоцзы. Вечером, когда все собрались за праздничным столом, в ворота Поместья Таньхуа постучал посыльный. Яо Сань отворил дверь и вернулся с письмом, сказав, что оно пришло из Ючжоу.

Тан Шэнь тут же вскрыл конверт и бегло пробежал глазами единственную короткую строчку стиха.

То были строки одного из поэтов минувших эпох, с той лишь разницей, что в них внесли небольшую правку: «Коль чувства двух сердец навек устремлены в вечность, не забывай о них ни днем, ни ночью».

Переделка вышла не слишком изящной, но у Тан Шэня при виде нее потеплело на сердце. Он унес письмо в кабинет и бережно спрятал в шкатулку. Когда он вышел во двор, Яо Сань как раз собирался поджечь петарды. Заметив Тан Шэня, он предложил:

— Молодой хозяин, не желаете сами запалить этот хлопучечный патрон?

Тан Шэнь засучил рукава и с улыбкой подошел ближе:

— Давай мне.

Петарда с грохотом взмыла в небо — наступил новый год.

Однако никто не ведал, что в то же самое время во дворце Великой Сун царила гробовая тишина.

В новогоднюю ночь обычные люди собирались за семейным ужином, и члены императорского рода не составляли исключения. Шестой князь Чжао Ао еще во второй половине дня прибыл во дворец: в этом году семейный пир впервые проходил без Вдовствующей императрицы, и ему надлежало составить компанию государю.